

access: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e819>. – Date of access: 23.01.2020.

2. Murray, D. Practitioners' Guide to Human Rights Law in Armed Conflict [Electronic Resource] / D. Murray. – // Oxford Public International Law. – Mode of access: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198791393.001.0001/law-9780198791393>. – Date of access: 23.01.2020.

3. Riabie, L., Human Rights Watch v Secretary of State for the Foreign and Commonwealth Office : Victim status, extraterritoriality and the search for principled reasoning [Electronic Resource] / L. Riabie. – // University College London. – Mode of access: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1532051/7/Raible_Raible%20-%202017%20-%20MLR%20-%20Human%20Rights%20Watch_NEW.pdf. – Date of access: 23.01.2020.

4. Кожеуров, Я. С. «Эффективный всеобщий контроль» в практике Европейского Суда по правам человека: «Империализм прав человека» или большая путаница? / Я. С. Кожеуров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №4. – С. 184–193.

5. Самарин, А. А. Экстерриториальное действие права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Самарин. – Нижний Новгород, 1999. – 229 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ

С.А. Навицкий

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sergnavan@gmail.com*

Дано авторское определение автономных систем вооружения на основе ряда черт, являющихся неотъемлемыми для данного вида вооружения. Определен круг лиц, в отношении которых может быть поставлен вопрос об ответственности за правонарушения, опосредованные применением автономных систем вооружения – комбатанты (операторы), командиры, а также программисты и разработчики. Были рассмотрены особенности индивидуальной уголовной ответственности каждой из представленных категорий лиц. Констатация намерения как ключевой элемент данного вида ответственности была определена в качестве основной проблемы в силу специфики функционирования подобных систем вооружения. Установлено, что возникающий пробел может быть устранен при помощи института международно-правовой ответственности государств.

Ключевые слова: автономные системы вооружения; индивидуальная уголовная ответственность; комбатант; командир; международно-правовая ответственность.

FEATURES OF INDIVIDUAL CRIMINAL RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW IN CONNECTION WITH THE USE OF AUTONOMOUS WEAPON SYSTEMS

S.A. Navitski

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The author's definition of autonomous weapon systems based on several features that are integral to this type of weapon is given. A circle of persons has been identified with respect to whom the issue of responsibility for offenses mediated by the use of autonomous weapon systems can be raised – combatants (operators), commanders, as well as programmers and developers. The features of individual criminal responsibility of each of the presented categories of persons were examined. The qualification of intent as a key element of this type of responsibility was identified as the main problem due to the specifics of the functioning of such weapon systems. It was established that the emerging gap can be eliminated through the institute of international legal responsibility of states.

Key words: autonomous weapons systems; individual criminal responsibility; combatant; commander; international legal responsibility.

Существуют различные подходы к определению автономных систем вооружения. Международный Комитет Красного Креста для целей международного гуманитарного права под автономными системами вооружения предложил понимать оружие, самостоятельно выбирающее и атакующее цели, т.е. с автономией в своих критических функциях по обнаружению, отслеживанию, выбору и атаке целей [1, с. 3].

С учетом отличительных черт данного вида вооружения, а также основываясь на доктринальных подходах и подходах, выработанных в рамках международных организаций, можно дать следующее определение автономных систем вооружения. Автономные системы вооружения – роботизированные комплексные технические устройства, имеющие различный уровень автономности в своих критических функциях, использование которых предполагает нанесение непосредственного урона в рамках вооруженных конфликтов.

Необходимо отметить, что ключевым элементом понятия является автономность, которая понимается как способность работать без какого-либо внешнего контроля в некоторых или во всех областях его деятельности в течение длительных периодов времени, т.е. работать автономно [2, с. 62].

Именно критерий автономности порождает определяет важнейшие проблемы, которые возникают в части привлечения лиц к индивидуальной уголовной ответственности, а также возможности установления ме-

ждународно-правовой ответственности государств за или в связи с использованием автономных систем вооружения.

Важно отметить несостоятельность вопроса об установлении ответственности самой автономной системы вооружения лишь на том основании, что она в какой-то степени может действовать независимо от человека, о чем говорят некоторые исследователи [3, с. 105]. Поскольку в основе деятельности всех существующих видов автономных систем вооружения находятся заданные человеком алгоритмы, такие системы всегда приводятся в действие человеком, а также в большинстве случаев находятся под его общим контролем, то всегда будет оставаться связь между машиной и человеком, которая позволит поднимать вопрос об ответственности последнего.

При выделении категорий лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за правонарушения, связанные с применением автономных систем, в первую очередь должны быть рассмотрены комбатанты или операторы, поскольку данные лица непосредственно обеспечивают функционирование системы.

Проблемным моментом в части установления ответственности комбатанта или оператора является субъективная сторона преступления. Пункт 1 статьи 30 Римского Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года четко устанавливает, что «если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно» [4]. Причем пункт 2 названной статьи определяет, что лицо имеет намерение в тех случаях, когда «в отношении деяния, это лицо собирается совершить такое деяние; в отношении последствия, это лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий» [4].

В случае с автономными системами вооружения сложно говорить о наличии намерения со стороны комбатанта по смыслу статьи 30 Римского Статута Международного уголовного суда. В большинстве случаев комбатант не может знать о наличии неисправности в автономной системе вооружения или о том, какие могут возникнуть условия на поле боя. Тем более нельзя сказать, что комбатант собирался уничтожить группу гражданских лиц (иначе такая ситуация существенно бы облегчила установление ответственности в части определения намерения).

Позицию о том, что для привлечения комбатанта к ответственности по смыслу статьи 30 необходимо наличие четкого знания о последствиях, а не предположения, что что-то может произойти, поддерживает МККК [5]. Аналогичным образом Марко Сассоли отмечает, что опера-

тор не должен быть экспертом в программировании и понимать все его технические особенности, он лишь должен быть осведомлен о результате его работы, то о том, что автономная система может или не может делать [6, с. 324].

Таким образом, в том, что касается ответственности комбатанта, который непосредственно обеспечивает функционирование автономной системы вооружения, можно констатировать существование правового пробела, который заключается в невозможности привлечь его к ответственности, а точнее возможности установить ответственность лишь за те последствия, которые было возможно предвидеть.

Ответственности командиров за действия своих подчиненных основана на пункте 2 статьи 86 Дополнительного Протокола I, согласно которому [7], а также статье 28 Римского Статута Международного уголовного суда [4]. Согласно названным положениям основанием ответственности командира являются действия его подчиненного. Непосредственно за последствия действия автономной системы вооружения командир, если он не запускал и не обеспечивал ее работу, ответственности не несет. Кроме того, как и в случае с конкретным комбатантом, для целей привлечения к ответственности командира необходимо установление субъективной стороны преступления. В этой части можно отметить, что ответственность командира будет иметь место в том случае, если им был отдан приказ использовать автономные системы вооружения в заведомо противоправных целях.

В целом можно отметить производный характер ответственности командиров в контексте применения автономных систем вооружения – она всегда будет опосредована действиями подчиненных ему комбатантов.

В качестве объекта индивидуальной уголовной ответственности также могут быть определены программисты и разработчики автономной системы вооружения.

М. Сассоли в этой связи отмечает, что человек, который намеренно программирует автономную систему вооружения таким образом, чтобы ее действия составляли военное преступление, может быть определен как косвенный преступник [6, с. 325]. В частности, Международный Трибунал по бывшей Югославии указал, что совершение преступления предполагает участие физическое или косвенное в элементах преступления. При этом сам обвиняемый не должен участвовать во всех аспектах совершения предполагаемого преступления [8, с. 122].

Таким образом, тот факт, что лицо осуществляло программирование в мирное время не является препятствием для привлечения его к уголовной ответственности за деяния, совершенные в условиях вооруженных конфликтов.

Особые сложности возникают в том случае, если недостатки работы автономной системы вооружения явились результатом халатности при программировании, а не характеризовались явно выраженным намерением. В этой связи можем отметить, что привлечь к ответственности разработчика или программиста можно будет в том случае, когда система не имеет высокого уровня автономности и способная самостоятельно выполнять лишь некоторые базовые функции (т.е. ее работа полностью предсказуема). В таком случае представляется разумным ожидать от разработчика четкого знания о модели поведения системы в заданных условиях. В иных случаях ожидать от разработчика учета всех возможных обстоятельств работы такой системы, а также среды ее использования не представляется возможным.

В целом можно отметить, что намерение как ключевой элемент в вопросе установления ответственности физического лица очень сложно констатировать, когда имеет место применение автономных систем вооружения, поскольку сам принцип работы таких систем не предполагает участия человека в той степени, которая позволила бы ему оказывать воздействие на конкретные элементы ее функционирования или ясно представлять последствия работы. Приведенные сложности установления ответственности каждой из категорий лиц могут быть причиной возникновения правового пробела, когда за нарушения норм гуманитарного права, связанные с использованием автономных систем, никого из них привлечь к ответственности нельзя.

Институт международно-правовой ответственности государств может быть рассмотрен в качестве средства устранения возникающих правовых пробелов. Если для индивидуальной уголовной ответственности необходимо изучение таких аспектов как субъективная сторона, вина и намерение, то в случае с ответственностью государств достаточно лишь факта нарушения какой-либо нормы и присваиваемости соответствующего поведения государству [9]. В этом случае всякие противоправные деяния, совершены они комбатантом, который может нести уголовную ответственность, или автономной системой вооружения, для которой это невозможно, будут считаться действиями вооруженных сил, которые, в свою очередь, присваиваются государству.

Вместе с тем, на практике может иметь место ситуация, когда присвоить поведение определенного субъекта государству не представляется возможным. В этом случае концепция ответственности государства за нарушение обязательств по предотвращению определенных событий может в некоторой степени нивелировать возникающий пробел, поскольку имеет место не «за» действия автономных систем, а «в связи с ними».

Так, ответственность государств за нарушение таких обязательств была закреплена в статье 14 Статей об ответственности государств, которая гласит, что «нарушение международно-правового обязательства,

требующего от государства предотвратить определенное событие, происходит, когда данное событие происходит, и длится в течение всего периода, во время которого это событие продолжается и остается не соответствующим этому обязательству» [9].

Применительно к автономным системам вооружения данная практика позволяет определить следующие условия возникновения ответственности государств. С учетом того, что такие системы применяются в крайне опасных и нестабильных условиях, государство, зная о возможных рисках, должно предпринять меры для предотвращения подобных инцидентов. В данном случае крайне высокая степень опасности условий, в которых государство применяет автономные системы, определяет весьма строгое обязательство должной распорядительности, которым такое государство связано, и, в случае его невыполнения, является основанием для привлечения такого государства к ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Autonomous weapon systems: technical, military, legal and humanitarian aspects [Electronic resource] : Report of the ICRC Expert Meeting, Geneva, 26–28 March 2014. – Geneva, 2014. – 9 May. – Mode of access: <https://www.icrc.org/eng/assets/files/2014/expert-meeting-autonomous-weapons-icrc-report-2014-05-09.pdf>. – Date of access: 20.01.2020.

2. Autonomous weapon systems: Technical, military, legal and humanitarian aspects [Electronic resource] : Expert meeting, Geneva, Switzerland, 26–28 March 2014. – Mode of access: <https://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwiPy7zyovDYAhUHKFAKHfz9D9kQFggvMAE&url=https%3A%2F%2Fwww.icrc.org%2Fen%2Fdownload%2Ffile%2F1707%2F4221-002-autonomous-weapons-systems-full-report.pdf&usg=AOvVaw1JixkHVpPvSagMFYBfmWVS>. – Date of access: 20.01.2020.

3. Krishnan, A. Killer Robots: Legality and Ethicality of Autonomous Weapons / Armin Krishnan // Ashgate Publishing. – 2009. – 200 p.

4. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf). – Дата доступа: 20.01.2020.

5. Riepl, M. K. War crimes without criminal accountability? The case of Active Protection Systems [Electronic resource] : Analysis / Michael Kurt Riepl // Humanitarian Law and Policy. – 2016. – June 1. – Mode of access: <http://blogs.icrc.org/law-and-policy/2016/06/01/war-crimes-without-criminal-accountability-case-active-protection-systems/>. – Date of access: 20.01.2020.

6. Sassòli, M. Autonomous Weapons and International Humanitarian Law Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified / Marco Sassòli // International Law Studies. – 2014. – Vol. 90. – P. 308–340.

7. Дополнительный протокол I к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 8 июня 1997 г. [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. – Дата доступа: 20.01.2020.

8. Prosecutor v. Milomir Stakic of 31 July 2003 [Electronic resource] // Trial Chamber of International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. – 2011. – Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/stakic/tjug/en/stak-tj030731e.pdf>. – Date of access: 20.01.2020.

9. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]: 56/83 от 12 дек. 2001 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/99/PDF/N0147799.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 20.01.2020.

ФЕНОМЕН УСТАНОВЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ПРИЕМ БЕЖЕНЦЕВ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К.О. Татуева¹⁾, Н.В. Карканица²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, christinawork@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, natallia.karkanitsa@gmail.com*

Статья посвящена вопросам возникновения и развития феномена установления квот на прием беженцев в государства-членах Европейского союза, рассматривается его правомерность с точки зрения европейского и международного права. Авторы анализируют современную европейскую практику для определения вероятности дальнейшего развития системы квот в рамках Европейского союза.

Ключевые слова: право Европейского союза; право беженцев; международное право; ограничения по приему беженцев; общеевропейская система убежища; Дублинский регламент; *acquis communautaire*; принцип невысылки *non-refoulement*.

PHENOMENON OF QUANTITATIVE RESTRICTIONS ON ADMISSION OF REFUGEES IN THE EUROPEAN UNION

К.О. Tatoueva^a, N.V. Karkanitsa^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*
Corresponding author: K. O. Tatoueva (christinawork@mail.ru)

The article is devoted to the issues of emergence and future development of the phenomenon of establishing quotas for admission of refugees in the member states of the European Union, its legality from the point of European and international law. The authors analyze modern practice of European states to predict the possibility of future development of quotas in the European Union.